

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ ЕВЫ МЕРКАЧЕВОЙ
«ГРАД ОБРЕЧЕННЫХ: ЧЕСТНЫЙ РЕПОРТАЖ О СЕМИ
КОЛОНИЯХ ДЛЯ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННЫХ»
(М.: Альпина Паблишер, 2021. 413 с.) И «ТЕСАК,
ФУРГАЛ И ДРУГИЕ. «СТРАННЫЕ» СМЕРТИ, ДЕЛА И БЫТ
В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ» (М.: Книжный Мир, 2021.
416 с.)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-1-116-121>

В работе автор дает экспертную оценку книгам Евы Меркачевой «Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных» и «Тесак. Фургал и другие «странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах», изданным в Москве издательствами «Альпина Паблишер» и «Книжный мир» в 2021 г. Автор отмечает, что рецензируемые книги написаны известной российской журналисткой, писателем и правозащитником, членом Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы трех последних созывов, членом Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, обладателем премии «Золотое перо России». Обе посвящены трудной для общества (в том числе и для любого читателя) теме – проблеме смертной казни как уголовного наказания и тюремному миру осужденных за самые тяжкие и жестокие преступления или находящихся по обвинению в их совершении в следственных изоляторах.

**НАУМОВ
Анатолий Валентинович**

доктор юридических наук,
профессор, лауреат Национальной
премии по литературе в области
права, член Союза писателей
Москвы, лауреат премии журнала
«Октябрь» (г. Москва)

**Ева Меркачева;
честный репортаж;
колонии для пожизненно
осужденных;
российские тюрьмы;
проблемы уголовно-
исполнительной системы**

Anatoly V. NAUMOV

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Laureate of the National Prize
for Literature in the Field of Law,
Member of the Moscow Union
of Writers, Laureate of the Award
of the Magazine "October" (Moscow)

REVIEW OF THE BOOKS BY EVA MERKACHEVA

**“THE CITY OF THE DOOMED: AN HONEST REPORT
ON SEVEN COLONIES FOR LIFE-SENTENCED” (Moscow:
Alpina Publisher, 2021. 413 p.) AND “TESAK, FURGAL
AND OTHERS. ‘STRANGE’ DEATHS, DEEDS AND LIFE
IN RUSSIAN PRISONS” (Moscow: Knizhny Mir, 2021. 416 p.)**

**Eva Merkacheva;
honest reporting;
colonies for life-sentenced
prisoners;
Russian prisons;
problems of the penitentiary
system**

In the work, the author gives an expert assessment of the books by Eva Merkacheva “The City of the Doomed: An Honest Report on Seven Colonies for Life-Sentenced” and “Tesak, Furgal and Others. ‘Strange’ Deaths, Deeds and Life in Russian Prisons”; published in Moscow by Alpina Publisher and the Knizhny Mir Publishing House in 2021. The author notes that the books under review were written by a well-known Russian journalist, writer and human rights activist, a member of the Public Monitoring Commission of Moscow of the last three convocations, a member of the Council under the President of the Russian Federation for the development of civil society and human rights, and the owner of the Golden Pen of Russia award. Both are devoted to a difficult topic for society (including for any reader) – the problem of the death penalty as a criminal punishment and the prison world of those convicted of the most serious and cruel crimes or those who are accused of committing them in pre-trial detention centers.

Книги написаны известной российской журналисткой, писателем и правозащитником, членом Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы трех последних созывов, членом Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, обладателем премии «Золотое перо России». Обе посвящены трудной для общества (в том числе и для любого читателя) теме – проблеме смертной казни как уголовного наказания и тюремному миру осужденных за самые тяжкие и жестокие преступления или находящихся по обвинению в их совершении в следственных изоляторах.

Первая книга («Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных») – рассказы автора о встречах с осужденными, отбывающими наказание в колониях для пожизненно осужденных и освобожденных от смертной казни ввиду существования моратория (запрещения) на ее применение Конституционным Судом РФ. Автор книги побывала во всех таких российских колониях. Она общалась с киллерами, маньяками, педофилами и другими, осужденными за поистине страшные преступления, пытаясь понять, как, каким образом когда-то нормальные люди могли совершить подобные преступления, раскаиваются ли они в содеянном и, пожалуй, самое главное, оправдан ли, по мнению автора, существующий запрет на применение смертной казни к таким преступникам. Ответ на него действительно не простой, так как вряд ли еще какая уголовно-правовая проблема так волнует людей (в равной мере юристов и неюристов), как проблема смертной казни. Сколько по этому поводу возникало и возникает дискуссий (научных и ненаучных самого различного уровня), сколько высказывается доводов за или против существования такого вида наказания. Споры об этом идут не одно столетие. И рецензенту (криминалисту по профессии) хотелось бы, чтобы читатель представлял себе юридические и этические аспекты поставленной автором проблемы.

Следует отметить, что в 70–80-х гг. XX в. в мировом сообществе отчетливо стала проявляться тенденция к сокращению смертной казни и ее упразднению. Так, Генеральная Ассамблея ООН 15 декабря 1989 г. приняла решение, направленное на отмену смертной казни, призвав все правительства, которые могут это сделать, рассмотреть вопрос о подписании этого акта и ратификации или присоединения к нему. К настоящему времени смертная казнь отменена уже более чем в 80 государствах мира, включая все страны Западной Европы.

Наше (российское) общественное мнение обычно с трудом воспринимает идеи о постепенном исключении смертной казни из числа уголовных наказаний. И тому есть серьезные причины. Конечно, наши представления о необходимости жестких мер борьбы

с преступностью генетически обусловлены, в первую очередь суровыми и жестокими атрибутами нашей нелегкой истории. Это и братоубийственная мясорубка гражданской войны, и беспрецедентный по масштабам сталинский террор, и вызванный насильственной коллективизацией массовый голод начала 30-х гг. прошлого века, и тяжкие испытания, выпавшие на долю народа в годы Второй мировой войны, и уже постсоветские искривления экономических реформ (падение жизненного уровня значительной части населения на фоне возрастающих доходов «наших» миллиардеров и роста коррупции). Все это не могло не ожесточить души людей. Обычно в пользу смертной казни приводятся следующие доводы: один из самых распространенных (особенно в пору принятия моратория на смертную казнь) – это не для нас: «на следующий же день после отмены смертной казни нас всех перережут!». Но дело в том, что в Европе смертная казнь была отменена лишь недавно. В России же в отличие от Запада еще в XIX в. смертная казнь не полагалась ни за убийство, ни за кражу.

Так, при Николае I к смертной казни были осуждены и казнены пять декабристов, при Александре III – несколько революционеров-террористов за покушение на жизнь и убийство императора Александра II. Количество выносимых смертных приговоров резко увеличилось после подавления первой русской революции – 1905 г. (например, в 1908 г. оно достигло 1340 человек повешенных). Массовое применение смертной казни в эти годы осуществлялось в основном внесудебными органами – военно-полевыми судами, по решению губернаторов и главнокомандующих и не только за террористическую революционную деятельность. Последнее связывалось с именем П. А. Столыпина – с 1906 г. председателя Совета министров. Вот как оценивал такую карательную практику С. Ю. Витте (в 1905–1906 гг. – глава российского правительства): Столыпин «казнит совершенно зря: за грабеж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Можно быть сторонникам смертной казни, но столыпинский режим уничтожил смертную казнь и обратил это наказание в простое убийство» (следует отметить, что С. Ю. Витте, будучи убежденным сторонником монархии в России, не только не симпатизировал революционерам и революционной деятельности, но и сам отправил многих революционеров на виселицу). Массовые казни вызвали справедливые протесты со стороны различных слоев российского общества. Л. Н. Толстой в своей знаменитой статье «Не могу молчать» подверг резкой критике подобную карательную практику: «Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее, зло всему

народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь». Примечательно, что с идеей запрета военно-полевых судов и внесудебного применения смертной казни с мнением «непротивляющегося злу насилием» писателя в конце концов стали солидарны и Дума, и царь (Николай II), отменивший в 1907 г. систему военно-полевых судов и массовое применение смертной казни как неэффективные средства в борьбе с революционным терроризмом. Необходимо помнить, что, например, и в советское время многие годы за убийство не предусматривалась смертная казнь. В 1954 г. она была введена. Убийства, однако, не сократились, а продолжали расти.

Как известно, уголовно-правовая наука и криминология отрицают предупредительное значение смертной казни и не связывают рост или сокращение, например, числа совершаемых убийств с этими факторами. Статистические данные о количестве совершенных в России убийств (вместе с покушениями на них) за 1997–2020 гг. (т.е. до моратория и после него) это вполне подтверждают. Однако время от времени вновь и вновь возрождаются призывы к возвращению в Россию смертной казни как уголовного наказания («ну никак без нее не обойтись!»). Идея эта исходит и из общества, поддерживается иногда и в доктрине уголовного права, а порой «озвучивается» (как это становится известным из СМИ) и «устами» наших законодателей. И первое преступление, которое «претендует» на применение за его совершение смертной казни, – это террористический акт. От него гибнут ни в чем не повинные люди. И спасти их от этого «якобы» способна только смертная казнь. Только она будто бы может заставить террористов-«нелюдей» отказаться от своего неимоверно жестокого замысла. Только как это мыслится в реальности? Любым сторонникам желаемой меры наказания хочется задать вопрос: число террористических актов множится во всем мире, множатся и их жертвы; но часто ли вы видите таких преступников на скамье подсудимых? Практически «туда» они «не садятся». Почему? Да потому, что обещанный террористам их будущий «рай» в случае совершения ими теракта, как оказывается, действует на них сильнее таких санкций. Террористы обычно гибнут либо на «само-

подрыве» при исполнении своего преступного акта, либо в боестолкновении с уничтожающими их (и поэтому спасающими нас) по-настоящему героически сотрудниками правоохранительных органов. Так что в борьбе с терроризмом победа добывается не за счет санкций уголовного закона, а за счет профессионально грамотной борьбы с ним силами правопорядка и мужества их бойцов.

Следует учитывать, что смертную казнь отменила не только «классическая» Европа. После распада СССР ее отменили, например, в Украине, Азербайджане – и ничего (даже в Турции нет смертной казни!).

Если же не на словах, а на деле человеческую жизнь признавать абсолютной ценностью, то запрет на лишение жизни человека должен быть также абсолютным. Для всех. В том числе и для государства. Европа это поняла раньше, как это понимал, как уже отмечалось, например, и Л.Н. Толстой. Так, может быть, именно в наш вовсе не сентиментальный век стоит увидеть в этой позиции такое, что пока недоступно массовому сознанию? Поверить в нее (не только современной Европе, но и своему *отечественному*, хотя и забытому, опыту) и сделать ставку не на жестокость, а на милосердие? Конечно же такое мнение многими не разделяется. Что ж, в этом мы, россияне, почти ничем не отличаемся от других европейцев. Например, в Англии после отмены смертной казни в 1969 г. опрос общественного мнения однозначно свидетельствовал о том, что это мнение не совпадает с решением британского парламента об отмене смертной казни. И тем не менее парламента не отменил своего решения. Не все вопросы, а нравственные особенно могут решаться голосованием.

Труднее всего позицию отмены смертной казни совместить с отношением к проблеме близких (в первую очередь родственников) потерпевших от умышленных убийств. Вопрос этот крайне деликатный. Можно, конечно, рассуждать так: убийца нарушил священное право на жизнь и тем самым поставил себя вне человеческого закона. Но можно рассуждать и по-иному: существующая система ценностей не смогла спасти жизнь близкого мне человека. Смерть его убийцы не возместит мою потерю. Попытаемся же изменить что-либо в этой системе, и, может быть, новый подход (установление *абсолютного* запрета на лишение жизни человека) когда-нибудь, пусть не скоро, все-таки даст положительный результат и поможет предотвратить для кого-то новую трагедию.

Е. Меркачева приводит еще и дополнительные, но также вполне убедительные доводы против отмены моратория на смертную казнь. Это, во-первых, «принимая во внимание вероятность ошибки судов и следствия»: «как минимум трое из тех, кого я интервьюировала, на мой взгляд, могут быть невиновны». И во-вторых: «Прошу вас только об одном: читая ее

[книгу. – А.Н.], помните произнесенную – не мной – притчу: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая Справедливость».

Во второй книге («Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах») Ева Меркачева анализирует особенности отбывания наказания в виде лишения свободы в ставших «легендарными» (в историческом аспекте) тюрьмах: «Питерских Крестах» (ее бывшие «сидельцы» – глава Временного правительства Александр Керенский, Лев Троцкий, взявший свой революционный псевдоним Бронштейн от фамилии надзирателя тюрьмы, в которой сидел, правда, не питерской, а одесской, писатель Даниил Хармс, сын А. Ахматовой и Н. Гумилева Лев Гумилев (известный советский ученый историк-этнолог и востоковед, создатель пассионарной теории этногенеза), прославленный советский полководец, будущий командующий Парадом Победы К. Рокоссовский, знаменитый авиаконструктор А. Туполев и др.); «Владимирском централе» (сын Сталина Василий Сталин, певица – всенародная любимица Лидия Русланова, американский летчик-шпион Пауэрс) и не менее известных СИЗО – «Кремлевском центре» (члены ГКЧП – Вице-президент СССР Г. Янаев, премьер-министр В. Павлов, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Д. Язов и др.); в 1994 г. СИЗО переехало в «Лефортово», а через три года вернулось на улицу Матросская Тишина как переименованное в СИЗО № 1 (ее «сидельцы» – один из лидеров российской организованной преступности Япончик и его «преемник» на этой «должности» З. Калашов по кличке Шакро Молодой, целый ряд руководящих работников правоохранительных органов, министры, губернаторы, известные футболисты и не менее известный артист и многие другие «VIP» персоны).

Ева Меркачева при описании существующих тюремных режимов постоянно как бы имеет в виду, что до каких пределов возможны разнообразные ограничения свободы (именно Свободы!) в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. И когда такие ограничения не только допустимы, но и необходимы, а когда являются лишь неоправданной жесткостью? Ответы на эти вопросы являются не менее трудными для нашего общества, чем таковые же насчет смертной казни. Тем более что они имеют как исторические, так и географические особенности. При этом рецензент хотел бы, чтобы читатель осознанно представлял себе названные особенности применительно к российской действительности. Так, сравнение, допустим, бытовых условий тюремного заключения времен Ф. Достоевского (основанных на собственном четырехлетнем пребывании писателя в каторжной тюрьме) и советского лагерного (1930–1940-е гг.) ГУЛАГа позволяют сделать твердый вывод о гораздо большей жесткости последнего. Тот превращал осужденного к лишению свободы в «лагерную пыль»

(определение приписывается знатоку этой проблемы Л. Берии), а инструментами достижения этого были голод, холод и неимоверно тяжкий физический труд. Так именно было до хрущевской «оттепели» в советские времена. В России Александра II (будем верить автору «Записок из мертвого дома») этого не было (!), как, слава Богу, нет и сейчас (указанных трех обязательных для ГУЛАГа атрибутов лишения свободы). При этом следует учитывать, что соблюдение минимальных стандартов жесткости при исполнении наказания в виде лишения свободы предусмотрено известными международно-правовыми актами, признаваемыми и РФ. Однако, как это вытекает из рецензируемой книги Е. Меркачевой, не все так в этом отношении «благостно». Приведем лишь некоторые из замеченных автором вряд ли обоснованных ограничений свободы осужденных в тюрьмах и колониях и еще не осужденных в следственных изоляторах:

– «Жестокость со стороны правоохранителей по отношению к матерям и их малышам. Силовики стали позволять обыски на рассвете в доме, где живут маленькие дети, а суды шли у них на поводу и арестовывали обоих родителей... Почти у всех женщин дома дети, которым они не могут даже позвонить (следователь не дает разрешения). И это самая страшная пытка. Вместе с коллегами и депутатами мы разработали законопроект, который позволит заключенным звонить таким близким без разрешения следователя. Я дважды... говорила о нем Президенту на ежегодных встречах СПЧ... Законопроект внесен в Госдуму, и, я надеюсь, будет принят»;

– «Однажды в СИЗО нашли генерала Минобороны. Он сидел в камере с уголовниками, мыл полы и драил унитаз, фактически прислуживал им. Когда мы зашли туда, криминалитет над генералом измывался, а он сам изображал улыбку. «Это хорошие люди, я благодарен им за все». Под предлогом сообщить ему информацию о его здоровье, мы его вывели в отдельный кабинет. Там генерал зарыдал... Начальнику СИЗО мы поставили условие: или его немедленно переводят в безопасное место, или мы предаем историю огласке. Он перевел... Посадить в пресс-хату его решали конечно же не сотрудники СИЗО. Их попросили сделать это оперативники и следователь всесильного ведомства, которое вело дело генерала. Отказать спецслужбе начальнику СИЗО сложно... Подобных историй знаю множество»;

– «Единственный женский изолятор Москвы носит № 6, но в последнее время его настойчиво именуют числом зверя «СИЗО 666». Случилось так, что он стал территорией зла и бесконечной боли. В рейтинге мест, унижающих женское достоинство, он занял бы, пожалуй, первое место...

Если вы вдруг окажетесь в СИЗО № 6, внимательно смотрите под ноги. Вы можете нечаянно наступить

на... девушку, женщину или старушку, прикрывшуюся на полу выцветшим серым одеялом...

Но отсутствие отдельного спального места и скудность – не главная беда московского изолятора. Многие камеры напоминают душегубки (из-за отсутствия вентиляции и форточек), и женщины там кричат: «Дайте воздуха! Дышать!»...

Думаете, что судьи не знают, что единственный СИЗО переполнен? Отлично знают! Об этом их информируем и мы, и ФСИН. Но люди в мантиях все равно снова и снова избирают женщинам самую строгую меру пресечения и ладно, если бы речь шла об убийцах и других опасных для общества преступниках. Снова, увы! Без кого не смогли обойтись наша правоохранительная и судебная система? Вот, скажем, без Кати, которая взяла у соседней самокат, чтобы съездить на нем за водкой.

Или без больной раком Надежды, которая украла в супермаркете головку дорогого сыра.

Без многодетной матери Натальи, которая подозревается в махинациях со страховками...

Без Светланы, которая присвоила себе чужой мобильный телефон.

Я могу продолжать бесконечно долго. В каждой камере есть минимум 3-4 женщины, которые нанесли настолько смехотворный ущерб, что выдавать их за опасных преступниц даже стыдно. Они вполне могли бы находиться до приговора под подпиской о невыезде или под домашним арестом. Но следователю так неудобно (вдруг скроется... Вдруг откажется дать признательные показания?)».

Читатель, вам не страшно? Мне – очень. Именно *таких* следователей и судей.

Для рецензии перечисленного, может быть, и достаточно. Но есть «вновь открывшиеся обстоятельства», связанные, как можно догадаться, с обрушившейся на весь мир (в том числе и на наши колонии и СИЗО) пандемией. Для примера – «Матросская Тишина» и вновь введенные запреты и ограничения.

«Утро. Мы проверяем карантинное отделение, куда попадают новенькие заключенные.

– Мне нужны лекарства, – просит арестант в одной камере.

– А мне – теплые вещи, говорит другой, кстати, в звании полковника. И объясняет: – Я пришел на апелляцию по своему делу – судья заменила условный срок реальным. Не ожидал, что такое может случиться, потому с собой ничего не взял.

– Мне бы белье нижнее, замечает его сосед. – Арестовали, в чем есть, даже трусов нет на смену.

– У меня эпилепсия, запросите медицинские документы из СИЗО № 3, где был до этого. Мне срочно нужны лекарства.

– Капли в нос выдайте, умоляю, а то дышать не могу!?».

На все запросы ответ, по сути, один: Н И З З Я! Пандемия!

«Направляемся в больничный корпус. В коридоре встречаем хозотрядника, толкающего инвалидную коляску. В ней сидит худющий 63-летний В. Филиппов. Несколько дней назад у него отказали ноги. Сокамерники таскают его по камере, как он выражается, волоком до туалета и обратно.

– На больничку два дня назад его принесли на носилках, – говорит сотрудник. – Что с ним делать?

– Какая статья? – спрашиваю я.

– 158-я, Кража, едва шевелит губами Филиппов.

– Свяжитесь со следователем, расскажите про ситуацию – может, смилостивится и заменит ему арест на подписку, все-таки статья не тяжелая, не насильственная, – предлагаю сотруднику. Им идея кажется правильной, обещают так и сделать.

В первой же палате-камере к нам обращается пожилой заключенный – 60-летний В. Клепалов. Он гендиректор Нижегородского авиационного сообщества, арестован по подозрению в том, что дал взятку...

– Три операции на сердце, вырезаны органы... перечисляет он.

Виновен или нет – разберется суд, но зачем такого больного держать в СИЗО?

В соседней палате-камере сидит – точнее, лежит – «собрат по несчастью»: гендиректор Научно-производственного предприятия 62-летний А. Борисов. Ему вменяется мошенничество. И снова – не убийца, не насильник, не грабитель, мог бы быть под домашним арестом или подпиской с учетом его заболевания.

– Лейкемия, тихо говорит он. Борюсь...».

Уже после написания рецензируемых книг их автору Еве Меркачевой удалось «достучаться» до самого Президента РФ на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Эту тему она подняла, напомнив о резонансном деле о пытках осужденных в тюремной больнице под Саратовом. По ее словам, случай далеко не единственный.

«Вопрос, безусловно, очень важный, и, конечно, я следил за тем, что происходит, сказал Президент. С этой информацией нужно разобраться». Он напомнил, что Следственный комитет этим занимается...» [1]. Но здесь, конечно, нужны системные меры, которые бы ситуацию меняли, – сказал Президент. Совфед начал работать над поправками, закрепляющими понятие состава преступления «Пытки», – добавил он» [1]. И такой законопроект уже внесен в Госдуму. Он расширяет понятие «пытки» (под ними понимается любое умышленное причинение лицу страдания – физического или нравственного), ужесточает наказание за их применение и увеличивает срок давности по таким преступлениям. Говоря о предложениях насчет возможного, вместо содержания под стражей подозреваемого, применения к нему домашне-

го ареста или «браслетов», то Президент и с этим согласился. «Конечно, засаживать человека за решетку, в камеру, часто совершенно «неоправданно», не стоит» [1], – считает Президент.

Что ж, Ева Меркачева как автор этих предложений сумела действительно «достучаться» до власти. Но представляется, что достучаться до нее (даже до Президента России!) все-таки гораздо легче, чем изменить на этот счет правосознание многих и многих следователей и судей, как показывает практика, «на дух не принимающих таких перемен». Учитывая,

что предлагаемые «подвижки» в исполнении наказания в виде лишения свободы идут от (так надоевшего всем нам с его пресловутыми санкциями и чуть ли не постоянным антироссийским настроением) Запада (как-никак все-таки международные стандарты!), как тут не вспомнить слова нашего великого поэта о том, что «правительство по-прежнему остается единственным европейцем в России» [2, с. 740]. Считаю излишним напомнить, что под «правительством» поэт имел в виду Николая I.

Пристатейный библиографический список

1. Вопрос, безусловно, очень важный, и, конечно, я следил за тем, что происходит, сказал Президент. С этой информацией нужно разобраться // Российская газета. 2021. 9 дек. № 281.
2. Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., подлинник на франц. языке, адресату не отправлен / Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Письма. 1831–1837. М. : ГИХЛ, 1962.

References

1. The Issue Is Certainly Very Important, and, of Course, I Followed What Was Happening, the President Said. This Information Needs to Be Sorted Out. *Rossiiskaia Gazeta*. 9 December 2021. No. 281.
2. *Pushkin A. S. Letter to P. Ia. Chaadaev dated 19 October 1836, the original in French, was not sent to the addressee. In Pushkin A. S. Collected Works. In 10 vols. Vol. 10: Letters. 1831–1837. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962.*